

М.В. Лобанова-Тортика

МЛАДОТУРЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ ИДЕОЛОГИИ “ЛЕВОГО” ЦЕНТРИЗМА В БОЛГАРИИ: МЕНТАЛЬНО- ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Размышляя о младотурках и младотурецкой революции в контексте мировоззрения и политических интересов представителей болгарского социалистического центризма, вряд ли возможно адекватно и цельно передать то, что, собственно, представляло собой это уникальное политическое явление. Соответственно, о подробной интерпретации характера движения младотурок в данной работе речь идти не может, однако именно расхождения во взглядах различных направлений социал-демократической мысли в Болгарии позволяют осветить некоторые яркие, но недостаточно исследованные аспекты этого политического движения – движения, которое Ю.А. Петросян назовет «наиболее ярким и значительным фактом общественно-политической истории Турции в эпоху нового времени» [Петросян 1971, 309].

Если говорить о младотурецкой революции в геополитическом контексте, то нельзя не отметить, что на рубеже XIX–XX вв. неприкосновенность границ Османской империи все еще сохранялась в качестве основного принципа функционирования Великих Держав на Балканах. При этом в отношениях между Османской империей и Великими державами была выбрана тактика взаимного лавирования, затягивания и лукавства. В результате известный российский ученый географ и геолог П.А. Чихачев писал в своих (пусть и более ранних, но очень показательных) «Письмах о Турции» о характерной тактике «вынужденного лицемерия» со стороны Порты [Чихачев 1960, 81]. В то время как советские историки чаще подчеркивали особое снисходительное и даже высокомерное отношение Великих Держав, способных принимать важнейшие решения по Ближнему Востоку не только без учета интересов Турции, но иногда в условиях ее полной политической изоляции [Миллер

1983; Шпилькова 1970; Чапкевич 1975; Турецкая революция 1908–1909, 1930] и др. Собственно, еще турецкая эмигрантская газета «Османлы» отмечала, что отношение Великих Держав к Османской империи воскрешает в памяти «времена крестовых походов», при этом в самой Турции «нет ни торговли, ни промышленности, ни даже сельского хозяйства» [Петросян 1971, 273]. Ситуацию попытались изменить в рамках переворота 30 мая 1876 г., однако введение «зюлюма» и отмена конституции привели к тому, что заявленная потребность в модернизации осталась нереализованной, формируя постоянный очаг неудовлетворенности и глухого антигосударственного брожения. В результате на рубеже XIX–XX ст. оппозиционные силы, зарождаясь в Турции, аккумуляровались в основном за границей.

Подобное положение вещей позволяет обратиться к проблеме «культурного посредничества», которое под определенным углом зрения можно рассматривать и как одну из основных функций центризма. Поскольку в данном случае речь идет о центризме в рабочем движении, то «культурное посредничество» можно рассматривать как стержневой элемент центризма в социал-демократическом движении, причем именно в тех странах, которые на рубеже XIX–XX вв. выбирают путь европейской модернизации.

Вопрос о «культурном посредничестве» неразрывно связан с проблемой персонализации в историческом исследовании. Совершенно очевидно, что личный фактор играет существенную роль в трактовке различных исторических, культурных и общественно-политических событий. Уровень образованности, интеллекта, способность к эмоциональной или, напротив, статичной передаче информации – все это обуславливает тот или иной вариант «куль-

турного посредничества». Причем указанный процесс может и, как правило, происходить без интеллектуального осознания посредничества, фактически на подсознательном уровне «носителя» данной цивилизационной информации. Можно соглашаться или не соглашаться со Львом Николаевичем Толстым, отрицавшим особую роль личности в истории, однако нельзя не признать, что выбор конкретной, живой информации, реального культурного заряда все же остается делом сугубо личным. Фактически можно сказать, что если от личности носителя и не зависит необходимости «культурного посредничества» как такового, то уж его реальное наполнение — дело сугубо индивидуальное.

Наличие буферных зон на перекрестье западноевропейских и восточно-азиатских интересов автоматически предполагало возникновение группы людей, способных аккумулировать и проецировать национальное сознание в соответствующую культурно-политическую среду, подстегнутую модернизацией конца XIX — начала XX в. Духовно восприимчивые, способные не только улавливать, но и передавать ментальную информацию, эти люди вполне естественно концентрировались в основном в интеллигентской среде. Если следовать терминологии Л.Н. Гумилева, можно сказать, что «культурный посредник» должен был быть «пассионарным» и в связи с этим погруженным в общественную и политическую жизнь своей страны. Люди культуры, политики, государственные деятели, вне всякого сомнения, становились (осознанно и не осознанно) «культурными посредниками», связывая Западную Европу с цивилизационным пространством Ближнего Востока и Евразии. Активная жизненная позиция достаточно часто приводила эту категорию людей в политические партии, где они совмещали несколько функций общего и сугубо политического посредничества.

Итак, посредник должен быть инициативен, образован, должен интересоваться политикой, быть интеллигентом и эрудитом. В конце XIX в. именно такая категория людей наводнила либеральные и социал-демократические группы и партии, причем как в их эмигрантском эквиваленте (турецкая политическая эмиграция), так

и непосредственно в Болгарии (в данном случае интерес представляет центристская социалистическая фракция).

Собственно, если принять за аксиому более традиционалистский характер ортодоксального марксизма в Болгарии и намеренный отказ от традиционализма в марксистских реформистских партиях (или группах), становится понятно, что наиболее ярко выраженными «культурными посредниками» в социал-демократических партиях могли быть именно центристы. В этой связи особо обращает на себя внимание такой часто используемый в центристских кругах (К. Раковский¹ и Л.Д. Троцкий) термин, как «примиренчество» (болгарский эквивалент «пожарничество»). Можно сказать, что он достаточно точно указывает на идейную задачу центризма — примирение, причем примирение не только в вопросах политической тактики, но и в том идейном конфликте, который выражается в противоречии цивилизационном. В широком смысле речь идет о примирении Запада с Востоком, ортодоксии с реформизмом, восточнохристианских духовных ценностей с католическим индивидуализмом Европы и т.д.

Обращаясь к вопросу о культурном значении поведенческой модели носителей младотурецкой идеологии и собственно к вопросу о характере самой революции, сразу хотелось бы отметить присущую этому движению прерывистость и даже определенную половинчатость. Подобная не только политическая, но и цивилизационная разорванность существенно сближала ряд иттихадистов со сторонниками «посреднической» платформы в болгарском «левом» центризме. Собственно, это очень удачно иллюстрирует российский культуролог Г. Гачев, который в своей монографии «Национальные образы мира» пишет, что «структура болгарской максимы не развернуто-линейная, но свернуто-закругленная» [Гачев 1988, 109]. Таким образом, для примиренчества характерен цивилизационный разрыв как некий духовный и интеллектуальный прорыв через закругление традиционализма на новый информационный уровень, в данном случае европейского культурно-политического пространства.

С этой точки зрения задача младотурок — это не просто модернизация, но

гораздо более сложный процесс аккумуляции и переноса европейских политических ценностей на традиционную турецкую почву. Такой подход существенно сближает младотурок и центристов, а главное, становится развернутой иллюстрацией особого стабильно положительного отношения «Пролетария»², а позднее «левицы» БРСДП(о) к революции, а затем и к более поздней, и что интересно, гораздо менее либеральной политике младотурок.

В качестве примера реализации функции «посредничества» можно привести имя Ахмеда Риза-бея, одного из основоположников этого движения. Очень сложная, неоднозначная фигура османской оппозиции Ахмед Риза как бы олицетворял собой основные «посреднические» черты, характерные для многих представителей младотурецкого движения. Сам из семьи окружного чиновника, он воспитывался в атмосфере сильного европейского влияния. Его мать была немкой, в Европе же этот будущий чиновник сферы просвещения получил прекрасное образование, и в Европу же (Париж) он и уехал после обострения идейных разногласий с начальством в самой Османской империи [Петросян 1971, 172]. Сразу же напрашиваются биографические параллели, объединяющие судьбы Ахмеда Ризы и Крыстю Станчева (Раковского). Совершенно случайно, но как показательно, оба этих политических деятеля сначала воспитываются в более просвещенной и более демократичной атмосфере. Оба получают образование в Европе, затем оба вынуждены покинуть родину из-за политических гонений официальных властей, далее, даже город для вынужденной эмиграции они выбирают один и тот же – Париж. Причем город этот на долгие годы становится для обоих жизненным пристанищем, существенным культурным полюсом, местом взлета амбиций и пробы политических сил. В частности, Ахмед Риза будет участвовать в деятельности младотурецкой оппозиции и издании эмигрантской прессы, а К. Раковский, по прямому свидетельству Л.Д. Троцкого, будет принимать непосредственное участие не только в политической жизни Балкан, но и в работе французской социалистической партии [Троцкий 1991, 224]. Причем можно предположить, что именно влияние

французских социалистов существенно укрепляло благожелательное отношение Раковского к политике младотурок после 1908 г. [Първанов 1997, 154].

Итак, младотурки, как и левые центристы в Болгарии, становятся завуалированными носителями западной культурной модели и европейских социально-политических институтов. Конечно, для такого утверждения судьбы одного Ахмеда Ризы явно недостаточно, но характерная эмигрантская ориентированность младотурецкого движения, постоянный возврат к традиционным взглядам, а главное, приверженность исламу – это уже достаточно серьезные аргументы. Кроме того, эту мысль подтверждает и вскользь брошенное высказывание Э.Ю. Гасановой, которая, размышляя об османизме и туранизме, упоминает группу турецких интеллигентов «получивших образование в европейских странах и в иностранных колледжах Турции». Интересно, что Э.Ю. Гасанова подчеркивала, что они называли себя «модернистами (asricilar), а их основным лозунгом было просвещение (irfan)» [Гасанова 1966, 29]. Этот же момент, с оттенком легкой критики, отмечает и Э.Ф. Найт, который видел в утрате части традиционализма альтернативу политической вседозволенности. «Среди семидесяти тысяч изгнанников... возвратившихся в Турцию... – пишет он не позднее 1914 г., – были, конечно, и такие, которые... планировали целыми годами по Парижу, утратили некоторые мусульманские добродетели, а по возвращении стали дилетантствующими политиками...» [Найт 1914, 156]. Негатив, по всей видимости, вызван неприязнью Найта к той ветви младотурецкого движения, которую представлял еще один идейный лидер оппозиции и политический противник Ахмеда Ризы принц Сабахеддин. Кстати, также проживавший за границей, где он находился в качестве политического эмигранта.

Таким образом, эти с разных сторон возникающие фрагменты мозаики дополняют тезис о «посреднической функции» движения младотурок. Можно сказать, что прозападные интересы национальной интеллигенции и буржуазии, формирующиеся на фоне перманентной потребности в развитии самостоятельной экономики

и сохранении национальной религии, заставляют младотурок все время находиться на перепутье. А именно – в поисках своей особой политической и культурной ниши. Общность подобных социокультурных и политических задач, вне всякого сомнения, должна была роднить болгарских центристов и младотурок, по крайней мере, до тех пор, пока поражение этой государственной концепции не стало очевидно (накануне событий 1912 г.).

Традиционно началом младотурецкой революции считается 3 июля 1908 г., когда в крепости Ресна (Македония) восстал гарнизон под руководством лейтенанта Ниязи-бея. Инициаторы восстания офицеры-младотурки (Ниязи-бей и Энвер-бей – его чета восстала 6 июля) действовали на основании инструкций, которые они получали от центрального комитета своей организации «Единение и прогресс». Как показательно назовет их в своих донесениях российский поверенный в делах в Константинополе Нелидов, «молодые офицеры, пропитанные «младотурецкими», с запада наваянными, идеями свободы и равноправия» [Депеша поверенного в делах в Константинополе... 1930, 25]. Уже к 23 июля объединенные отряды Энвера-бея и Ниязи-бея заняли Битоль и Салоники. На улицах возникали стихийные митинги, отовсюду были слышны приветственные крики и требования восстановления конституции 1876 г. Народ скандировал к тому времени уже более сотни лет знаменитый лозунг «Свобода, равенство и братство!», к которому младотурки добавили «правосудие!». Абдул Хамид, потрясенный глубиной вскрывшегося сопротивления, молчал. Слушая за ширмой прения (совещание происходило в константинопольском дворце в ночь с 23-го на 24 июля), находясь по традиции как бы вне круга своих ближайших помощников и советников, он, наверное, ощущал такое же потрясение и «туман», как и тот физический туман, что окутывал этой ночью его столицу. Тот туман, который так пронзительно и поэтично описал любимый поэт Кемаля Ататюрка, близкий к младотуркам Трафик Фикрет: «Столица во власти тумана/ Упорствуя ширится мгла/ Тебе – как раз и пристало/ столица арена тиранов/ глухое носить покрывало из ткани глубоких туманов». Куда

двинуться в этом тумане, какое решение предпринять – все восставало при мысли о подобном давлении на султана и халифа всех мусульман. Однако Саид-паша, как и многие присутствовавшие на заседании Государственного Совета, предупреждал, что при сложившихся обстоятельствах существует прямая угроза жизни султана и наследника престола. В то же время из Македонии доходили слухи об одностороннем введении конституции, даже без какого бы то ни было одобрения со стороны султана. В этих условиях утром 24 июля Абдул Хамид подписал ираде (указ) о восстановлении конституции.

Хотелось бы подчеркнуть, что позиция центристов в оценке революции существенно отличалась от платформы «тесного» и «широкого» социализма. В данном случае союз «Пролетарий» четко демонстрировал самостоятельное лицо, не настаивая на классовом разрешении македонского вопроса и не выступая в поддержку социал-демократического блока «широких» социалистов.

Центристы от К. Раковского до П. Делирадева³ (а они представляли как бы два полюса в центристской оценке младотурецкой революции) заняли положительно-выжидательную позицию. Вопрос состоял в выборе способа, который должны были избрать различные социальные категории турецкого общества для борьбы с частичной колониальной зависимостью империи. Собственно, с конца XIX ст. неожиданно оказалось, что пути традиционалистов и западников в Османской империи расходятся, причем объединить их платформы не смогла даже прямая угроза утраты политической самостоятельности родины.

На интуитивном уровне подобное внутреннее (культурное и политическое) расхождение отразилось в неоднозначной реакции болгарских социалистов на события в Турции. Для БРСДП (тесных социалистов) это выразилось в традиционалистском (ортодоксальном) отказе от реформ на Балканах, ибо реформы – это препятствие на пути к социальной революции. В то время как внутри БРСДП (широких социалистов) эти же реформы рассматривались как заявка на мир в европейских вилайетах Турции. Последнее, впрочем, не особенно приветствовалось, поскольку

усиление Османской империи могло стать, по мнению реформистов, существенным препятствием для проникновения болгарского влияния в этот регион.

Реформы сегодня и в рамках единого многонационального турецкого государства как части будущего демократического Балканского союза – это особый путь левых центристов. Для них потенциальное вмешательство Великих Держав (России и Австрии в первую очередь) – это первый шаг к разделу Османской империи, чья целостность в условиях демократических преобразований стала бы благом для будущего всего Балканского региона.

Надо сказать, что Абдул Хамид II, позволявший себе, как отмечали современники, вспышки почти безумия, с достоинством встретил закат своего царствования, воскликнув только: «Пусть Бог покарает творящих зло». На что один из членов комиссии, принесших ему весть о решении шейх-уль-ислама, ответил: «Пусть он сделает это!» [Кузнецов 2006, 66]. Ответ, вполне характеризующий массовый настрой и отчасти прогнозирующий культурное поражение младотурецкой политической платформы. Место Абдул Хамида занял бледный и слабый Мехмед V, который очевидно не претендовал на реальную власть в стране. Абдул Хамид же некоторое время находился в Салониках, где оставался с семьей под домашним арестом, накануне балканских войн он был возвращен в Стамбул, где и умер в заточении в 1912 г.

Уровень современных исторических, социологических и политологических знаний переводит проблему взаимоотношений монарха и его более демократической оппозиции в несколько иную, гораздо более глубокую культурологическую плоскость. Собственно, возникает ряд историко-социальных вопросов: во-первых, насколько «западниками» были сами младотурки, и, во-вторых, как относиться к проникновению элементов западной цивилизации в традиционалистскую культуру Османской империи в конце XIX – начале XX ст.

Знаменитый османский культуролог, философ и политик Зия Гекалп еще в начале XX ст. писал по поводу перспектив модернизации Турции: «По цивилизации мы должны быть европейцами, по культуре турками» [Османская империя... 1990,

336]. Таким образом, даже З. Гекалп, будучи профессором социологии Стамбульского университета, последовательно продвигаясь от поддержки младотурок к членству в кемалистском движении, не исходил из однозначных приоритетов западной цивилизации. Демонстрируя идеологию посредничества, он утверждал, что османская культура должна опираться на две составляющие: «священные ценности – определяют лицо нации: общественные идеалы, язык, религиозные, этические, эстетические, правовые нормы» и не священные – «математика, логика, экономика, техника» [Османская империя... 1990, 324]. Несмотря на то что именно Гекалп подготовил для младотурок трактат, внедрение которого могло бы привести к ограничению роли шейх-уль-ислама, его османский традиционализм требовал привлечения западной механистичности исключительно при сохранении культурных ценностей, связанных с идеологией османства, позднее тюркизма.

«Мир глазами мусульманина, – пишет Коллас, – является гостеприимным домом, в который входят и уходят каждую минуту. Жизнь есть короткая остановка в пустыне... Нужно ли удивляться, что турок не знает стремлений к лучшему будущему, с материальной и умственной точки зрения, питаемых современными народами и увлекающих их далеко от стези предания?..» [Коллас 2003, 79]. Вот оно характерное для восточного менталитета отсутствие западной механистичности и упорядоченности (последнее – существенный аспект европейской гуманистической доктрины), аспект, на котором сегодня, как и сто лет назад, склонны акцентировать внимание многие турецкие мыслители. Иногда подобная созерцательность доводится до абсурда, и тогда во время прогулок по турецким кладбищам, а это, по словам А.Г. Ширяевой, «любимое место прогулок османов», можно встретить странные изображения: «Тюрбан или феска, обычно венчающие памятник, помещаются не вверху, а сбоку. Это означает, что покойный был обезглавлен...» Надписи на подобных памятниках полны перечислениями добродетелей покойного, но, помимо этого, «с крайней почтительностью упоминают и имя падишаха, выражая сожаление, что «солнце

милости падишаха перестало освящать покойного» [Ширяева 1913, 7]. Вот именно в таком контексте известный турецкий культуролог Ибрагим Кафесоглу и пишет о существовании «ярко выраженных отличий между любым европейским обществом и турецкой нацией с точки зрения социальной структуры, морали, взглядов на жизнь и верования» [Турция... 1988, 190]. Он не склонен приветствовать современную восприимчивость в вопросе идеологии, считая бездумную эксплуатацию западной культуры причиной потенциальных духовных потрясений для всего турецкого общества. В свою очередь Запад также остается настороженным в отношении политических контактов с Турцией. Последняя, с точки зрения американско-европейской цивилизации, несомненно, мусульманская страна, а о предвзятом отношении к исламскому миру, и в частности к Османской империи, рубежа XIX – начала XX ст. писал еще Найт, подчеркивая явно преобладающее сострадание к христианскому населению европейских провинций Турции при вопиющем негативе в отношении даже наиболее пострадавшего от зулума исламского населения этой страны.

Анализируя подобную стратегию, можно смело сказать, что сегодняшняя Европа, как и раньше, нуждается в Турции, но в то же время культурно и идейно дистанцируется от нее. Фактически Запад, с одной стороны, рассматривает Турцию в качестве барьера российскому влиянию (как в целом, так и в странах современного тюркского мира), с другой – заинтересован в ней как в стране-проводнике западного влияния в ориентированных на Анкару молодых постсоветских государствах. Эту мысль очень удачно подчеркнул турецкий журналист Орал Чальшлар. «Мы веками стремимся в Европу, но так и не смогли стать европейцами», – пишет он. В то же время и европейцы, развивают свою мысль Чальшлар, так и «не начали считать нас “своими”» [Турция между Европой и Азией... 2001, 255]. Можно сказать, что наличие подобного цивилизационного конфликта – одна из причин глобального поражения «примиренчества» на Балканах и Ближнем Востоке при перманентном сохранении гуманистической функции «посредничества».

В сугубо политическом значении победу младотурецкой революции положительно оценивали все представители мирового рабочего движения от большевиков до реформистов, от ЦК отдельных партий до резолюций МСБ Второго Интернационала. При этом внимание, которое уделялось этим событиям, было растянуто во времени – от собственно 1908 г. и вплоть до Базельского конгресса 1912. В этом контексте интересно, что, в отличие от более поздней историографии в СССР, достаточно широкий (не путчистский) социальный характер младотурецкой революции отмечали как В. Ленин, так и Д. Благоев. Тем самым они как бы подчеркнуто определяли идеологию иттихадистов как буржуазно-демократическую, близкую по своей сути к «блокарской» тактике реформизма. Впрочем, сторонники реформизма, в свою очередь, публично приветствуя революцию, все больше были склонны рассматривать ее как препятствие для разрешения национальных задач Болгарии. Собственно только «левица» БРСДП(о) в 1909–1911 гг. все еще определяла младотурецкую революцию как реальный шаг на пути к созданию Балканской федерации⁴, задачей которой, по мнению П. Делирадева, должно было стать объединение «Балканского полуострова и Малой Азии» [Делирадев 1909, 11]. За поддержкой в вопросе о федерации (конфедерации) на Балканах он обращался к таким видным авторитетам в международном социал-демократическом центристском движении, как К. Раковский, Ю. Мартов, К. Каутский и др.

Таким образом, для болгарских центристов в лице П. Делирадева революция 1908 г., так или иначе, состоялась, а Турция в ее обновленном государственном состоянии должна была выступать в роли полноправного партнера потенциального балканского межклассового объединения. Ставя под сомнение тезис о «классовой борьбе» как о проявителе качества революции, П. Делирадев подчеркивал, что позиция «тесных» весьма сомнительна. Ждать революции на Балканском полуострове только как классовой революции пролетариата вряд ли возможно, желательно наложить на свои классовые интересы реалии «буржуазно-монархического» блока.

Возвращаясь к вопросу об оценке деятельности младотурок различными течениями болгарского социализма, необходимо подчеркнуть, что тезис Д. Благоева о перспективах временной консервации внутренней структуры Османской империи был, вероятно, более адекватен сложившимся политическим реалиям. Можно сказать, что в таком контексте программа иттихадистов это, в сущности, попытка механистического перевода забуксовавшего государственного организма на более модернизированную политическую и экономическую почву.

Впрочем, на глубинном уровне посреднические функции младотурок, их стремление к сохранению традиционных культурных институтов при условии внедрения европейской политической системы вели к неизбежной государственной трансформации. Чем шире понимали свои права национальные составляющие империи,

тем острее становились требования если не административной, то хотя бы культурной автономии. Таким образом, сама по себе младотурецкая революция оказалась точкой отсчета для активизации антиимперских центробежных сил. В то же время младотурки должны были как представители власти, напротив, ограничивать либерализацию в национальном вопросе, отходя все дальше и дальше от политических лозунгов 1908 г. В таком контексте гуманистическое значение политической деятельности младотурок постепенно сходило на нет. Все это неизбежно обрекало младотурецкое движение на поражение. Впрочем, точно так же, как это происходило и с симпатизировавшими младотуркам представителями левицы БРСДП (о), половинчатость и разорванность политических взглядов которых обусловили неудачу центристского движения в Болгарии.

¹ К. Раковский (1873–1941) – один из виднейших социалистов Болгарии, влиятельный член международного социалистического движения, будущий председатель СНК Украины и личный друг Л.Д. Троцкого.

² Союз «Пролетарий» – самостоятельная организация центристов в социал-демократическом движении Болгарии. В дальнейшем сторонники «Пролетария» пошли на объединение с болгарскими социалистами-реформистами и стали основой для создания левой фракции в БРСДП (объединенной).

³ П. Делирадев – один из идейных лидеров болгарского левого центризма, в историографии он часто ошибочно относился к деятелям македонского национального движения.

⁴ Концепция Балканской федерации (конфедерации) – наиболее перспективный с точки зрения левых центристов проект государственного объединения на Балканах, куда они (в отличие от большинства болгарских социалистов) предлагали включить и Турцию.

ЛИТЕРАТУРА

Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908–1914). Баку, 1966.

Гачев Г. Национальные образы мира. Москва, 1988.

Делирадев П. Балканската Конфедерация. Пазарджик, 1909.

Депеша поверенного в делах в Константинополе от 24 (11) июля 1908 г. // **Красный архив**. Т. 6 (43). 1930.

Коллас. История Турции. Москва, 2003.

Кузнецов В.С. Абдул-Хамид II // Вопросы истории, 2006, № 4.

Миллер А.Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. Москва, 1983.

Найт Э.Ф. Революционный переворот в Турции. Санкт-Петербург, 1914.

Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. Москва, 1990.

Петросян Ю.А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX – начало XX вв.). Москва, 1971.

Първанов Г. Българската социалдемократия и македонският въпрос (От края на XIX век до 1918 година). София, 1997.

- Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Москва, 1991.*
Турецкая революция 1908–1909 // Красный архив, №43 (т. 6), 1930.
Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. Москва, 2001.
Турция. История и современность. Москва, 1988.
Чапкевич Е.И. Оценка большевиками младотурецкой революции // **Народы Азии и Африки**, 1975, № 6.
Чихачев П.А. **Письма о Турции.** Москва, 1960.
Ширяева А.Г. **Турки-османы.** Санкт-Петербург, 1913.
Шпилькова В.И. В.И. Ленин о младотурецкой революции // **Ученые записки МГУ.** Москва, 1970.